

Российские пляски вокруг «незыблемых» ценностей

В.П. Булдаков, доктор исторических наук

Есть ценностей незыблемые скалы
меж скучными
ошибками веков.
О. Мандельштам

Иногда мне кажется, что в так называемых ценностях мы запутались, как малые дети в собственных соплях. Строго говоря, в этом нет ничего удивительного. Существует точка зрения, что человек — это животное, которое запуталось в сетях созданных им самим символов. Применительно к России особая острота проблемы может быть связана лишь с ощущением того, что нам постоянно подсовывают не *те* ценности.

Возможно, так оно и есть. Российское государство (управленческий механизм, сам по себе лишенный ценностного наполнения) постоянно манипулировало ценностями в своих собственных интересах. Можно сказать, что мы имели и имеем государство-хамелеон, прячущееся от своих граждан и/или вводящее их в заблуждение с помощью своего рода «ценностей»-*симулякров*. Возможно, это удавалось в связи с тем, что российские подданные никогда не умели развести понятия «власть» и «государство», ибо не понимали, что есть соотношение *патерналистского* и *рационального* в системе управления. Примеров — вполне комичных — на этот счет можно привести громадное количество.

Так, немалую загадку для граждан-интернационалистов и даже многомудрых исследователей представлял известный сталинский тост, произнесенный на приеме командующих войсками 24 мая 1945 г.: «Пью за здоровье *русского* народа!»¹.

¹ *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина. Документы и материалы. М.-СПб., 2003. С. 463–467.

Всех переплюнул один историк, явно переусердствовавший с «теориями». Оказывается, сей спич означал поворот к «новой стратегии в этнополитической сфере», формирование нового «мифологического пространства» и вообще — новую ценностно-идеологическую парадигму². Составитель сборника справедливо указал, что нечто подобное Сталин проносил еще 2 февраля 1943 г. на приеме в честь монгольской делегации. Суть дела, однако, вовсе не в сфере идеологии и ценностей.

Сталин выступал перед разгоряченными спиртным маршалами и генералами, ощущавшими себя настоящими *победителями* в войне — феномен в истории очень хорошо известный. Следовало поставить их на место. Это было проделано довольно просто: победил *народ*, у которого может быть только *один вождь*. Пресловутая вертикаль власти была публично восстановлена.

Российская история буквально кишит подобными ценностными симулякрами. Возьмем известную формулу «православие, самодержавие, народность», почитаемую за истинное духовное основание империи. Увы, реальная идейная нагрузка, которую она несла, была более чем прозаична. После XVIII в. — «века вольнодумства», когда слово Бог, казалось, навсегда исчезло из официальной документации, после того, как во времена Александра I высшая элита оказалась представлена одними масонами, государство рисковало остаться без идеологии, что, в свою очередь, было чревато далеко идущими последствиями. Уваровская формула предназначалась, прежде всего, для идейного дисциплинирования бюрократии с помощью своего рода ценностного кнута. Как известно, собственно духовенство от использования

² Бордюгов Г.А., Бухараев В.М. Национальные истории в революциях и конфликтах эпохи. Темы для XXI века. М., 1999. С. 33–34. (Хотя на обложке брошюры весьма путаного содержания значатся два автора, авторство одного из них, судя по тексту, ограничилось сочинением заголовков к отдельным главам).

этого симулякра практически ничего не получило, о народе и говорить не приходится. Власть возвращала ценностное наполнение самой себе — в этом смысл всех предыдущих и последующих государственно-имитационных манипуляций в идейной сфере.

Строго говоря, реальные ценности в этом грешном мире строятся совсем по другим параметрам — от человеку к Богу. В России государство всегда претендовало на власть над душами своих подданных, а потому упорно настаивало на своем божественно-историческом, т. е. независимом от народа происхождении. Под посланиями Ивана Грозного Андрею Курбскому (которого некоторые соответственно наученные государством историки считают первым конституционалистом) вполне мог бы подписаться и Сталин. Иначе как можно было бы всерьез гордиться «восстановлением вертикали власти»?

Спрашивается: почему мы верим в ценностные основания подобных манипуляций? Вероятно потому, что привыкли кормиться от власти. Действительно, когда не ведаешь что ожидать от нее — то ли царских милостей, то ли узилища — поневоле поверишь, что за самодурством скрывается высочайшее ценностное наполнение, недоступное пониманию небезгрешного человека. Прозрение наступает лишь тогда, когда за вертикалью власти слишком явственно проступит вертикаль произвола и коррупции.

Беда, конечно, не в том, что мы продолжаем жить в мире символов. Несчастье в том, что мы принимаем их за настоящую реальность, не умея отделить сущее от воображаемого. Это и обеспечивает «гравитационную витальность» государства, по-прежнему приватизирующего ценности через манипуляцию всеобщими идеями.

К примеру, немало копий было сломано вокруг идеи суверенной демократии — это настоящее поле всевозможных самообманов. Говорят, что придумал это впервые Чан Кайши. В действительности, полезнее было бы запомнить, что

соответствующие идеи Карла Шмитта вольно или невольно оказались изоморфны известным нацистским притязаниям. В любом случае, очевидно, что за современной суверенной демократией стоят претензии «суверенной бюрократии — аналогично тому, как за советской демократией стояли интересы номенклатуры.

Конечно, и в ценность собственно демократии трудно поверить — особенно в наше время. Примечательно, что некоторые современные французские авторы прямо начинают говорить о *пост-демократии*, якобы изоморфной постмодерну. При этом ссылаясь от Алекса Токвиля до Александра Зиновьева используются для того, чтобы доказать, что демократия пока не мертва, но уже перешла в иное качество. Объясняется это тем, что прогресс демократии, вопреки прогрессистской доктрине, отнюдь не носит линейного характера. Как результат, сегодня мы имеем *агонизирующую демократию*³. Когда такое произносят во Франции, считающейся в России форпостом демократических свобод, то остается только ждать, когда о постдемократии (еще более «суверенной») громко заговорят у нас.

Конечно, будущее непредсказуемо. Возникает, тем не менее, вопрос: на каких основаниях в таком случае можно строить (перестраивать) систему ценностей у нас? И вот здесь-то все на удивление просто: надо идти от человека (пусть с помощью дурного, но все же, надеюсь, не абсолютно безмозглого государства). Если Господь даровал россиянам громадные территории с несметными богатствами, то очевидно, что им не остается ничего иного, как шаг за шагом, от поколения к поколению сознательно и бережно самим осваивать эти территории, превращать их в *культурное* пространство. В противном случае, государство, в котором мы по-прежнему, вопреки очевидному, видим нашу *особую* ценность, попросту лопнет от бессмысленного пожирания этих богатств.

³ Baumier M. La democratie totalitaire. Penser la modernite post-democratique. Paris, 2007. P. 11–12, 278.